

И.Р.АХУНДОВА

“...ВСЕ ЭТО, БЫТЬ МОЖЕТ,
БЫЛО ВОВСЕ НЕ СОН!”
(“СМЕРТЬ” СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА)

*А всех большая тайна – в том, что душу
человека на том свете ожидает.*

(“Подросток”)

Есть и за гробом жизнь!

(“Сон смешного человека”)

В словах Смешного человека, вынесенных в заглавие статьи, слышится вопрос, хотя вместо вопросительного знака у Достоевского стоит знак восклицательный. Но вопрос звучит и не дает покоя. Что стоит за словом “сон” у автора “Сна смешного человека”? То ли это литературный прием, кем только не использованный в мировой и, особенно, в русской литературе? То ли описание собственного сна писателя? Но почему уже в подготовительных материалах к “фантастическому рассказу” есть запись: “...и может быть очень, что все это был не сон” (25; 235)? Это утверждение героя с оттенком сомнения, неуверенности (“быть может”) сохранено и в окончательном тексте (25; 115). Прозрачный намек-обмолвка заставляет задуматься: что же описано в этом произведении? Если это был не сон, то что? Вряд ли хоть один из ответов до конца раскроет тайну гениального произведения, пророческое содержание которого оказалось недоступно современникам писателя. Оно может быть учтено лишь *post factum*, как и содержание любого другого пророчества вообще.

“Сон смешного человека” – не только произведение литературы. В нем, как нигде, “кончается искусство и дышат почва и судьба”¹. Кстати, по Юнгу, сновидения приоткрывают человеку не будущее его судьбы, а будущее его души. Художник – “это как бы общественный сновидец, который видит сны за всех”². Странно, что среди художников, отличающихся незаурядной чуткостью к архетипическим формам, С.Аверинцев не называет Достоевского, хотя эти слова, безусловно, относятся к писателю, для которого мир

снов всегда представлял огромный интерес и который задолго до Юнга³ “открыл” многочисленные архетипы коллективного бессознательного, художественно реализовав их в своем творчестве.

Поскольку еще в мифологии берет начало отождествление сна и смерти (Гипнос, бог сна, был братом-близнецом бога смерти Танатоса), аналогия между ними издавна привлекает внимание как искусства, так и науки. Меня поразило огромное количество совпадений, которые обнаруживаются в рассказе Достоевского и в таких работах о посмертном существовании человека, как “Мифы о бессмертии” польского ученого А.Токарчика⁴, “Человек перед лицом смерти” американских исследователей сознания и подсознания С.Грофа и Д.Хэлифакс⁵ и “Жизнь после жизни” Раймонда А.Муди⁶, собравшего данные о 150 лицах, которые были на грани физической смерти, на пороге в иной мир. В этих и других работах приводятся и анализируются не только сообщения наших современников, побывавших “по ту сторону”, но и параллели из мифологии, фольклора, Тибетской Книги Мертвых, Библии, сочинений Платона, Эмануэля Сведенборга и т.д.⁷ О книге Муди говорят авторы первых двух исследований⁸, а переводчик “Жизни после жизни”, священник А.Борисов, назвал ее “одним из тех великих откровений, которые даны людям XX века” (М., X, 154). Мимо другого величайшего откровения, каким является “Сон смешного человека”, прошли многие читатели и почти все критики XIX века. Но и наши современники не до конца оценили рассказ, подтверждающий, на мой взгляд, факт продолжения жизни после смерти тела. Удивительно, что исследователи этого феномена даже не упоминают Достоевского в ряду художников, описывающих переживания близости к смерти, изменение сознания у лиц, находящихся в критическом положении с угрозой для жизни или переживших клиническую смерть⁹. В отличие от других свидетельств посмертного существования человека этот рассказ является художественным описанием “предсмертных феноменов”, “отчетом” о путешествии в “иной мир” или в глубины подсознания. Окном в другой мир и служит, по меткому выражению Соловьева, сон: “поэтому нельзя умалять значения и ценности воспринятых во сне откровений”¹⁰.

В известном отрывке “Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?” (“Записная книжка 1863 – 1864 гг.”) писатель говорит о рае Христовом. Утверждая, что “есть будущая, райская жизнь” (а без нее незачем достигать такой великой цели, это “совершенно бессмысленно”), Достоевский пишет: “Какая она, где она, на какой планете <...> – мы не знаем” (20; 172 – 173). Ответом на эти рассуждения об идеале будущей, окончательной жизни человека и станет написанный в 1877 году “Сон смешного человека”, изображающий эту неизвестную “планету” и свидетельствующий об убеждении писателя в том, что “реальный (созданный) мир конечен”, но “бесконечность есть несомненно”, а следовательно, “есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир”(27; 43)¹¹.

“Фантастический рассказ” Достоевского часто рассматривают в ряду утопических произведений¹², причисляя его к “сновидениям”, которые позволяли заглянуть в будущее¹³. По словам В.П.Шестакова, например, в рассказе используется “традиционный для русской утопической литературы прием – описание сновидения”. Исследователь видит причину того, почему именно сон стал таким приемом, в подцензурном характере русской литературы и в более остром ощущении разрыва между идеалом и действительностью у русских писателей и мыслителей¹⁴.

Для понимания “Сна смешного человека” этого объяснения отнюдь не достаточно, ибо речь здесь может и должна идти не только о художественном приеме сна как отражения объективной действительности в не повторяющих ее формах, хотя его роль здесь ярко представлена. Р.Н.Поддубная пишет о сочетании в структуре рассказов “Бобок” и “Сон смешного человека” литературного приема сна о смерти и модификаций “раздвоенного видения”, сопоставляет эти рассказы с особой разновидностью “смертных снов” у Лермонтова. Говоря о сюжете “Ночи I”, который, казалось бы, строится на традиционной мифологеме о душе, покидающей во время сна и после смерти тело, и о мотиве сна-смерти, завершающем “Выхожу один я на дорогу...”, Р.Н.Поддубная ссылается на Д.Андреева, воспринимающего подобные явления не как литературный прием, а “как попытку художественно выразить некий глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души, приобретенный ею в предсуществовании”, как “просачивание” в лермонтовскую поэзию “второй реальности” – “трансфизического корня вещей”¹⁵.

Думается, эти слова автора “Розы мира” вполне приложимы и к “Сну смешного человека”, ибо сон о смерти, разворачивающийся в сюжет, трудно назвать лишь литературным приемом. Корни этического космизма Достоевского, вероятно, лежат в его собственном переживании единства вселенной, в реальном опыте соприкосновения со “второй реальностью”. Как и “Розу мира”, вырастающую на пересечении философского, религиозно-духовного и художественного мышления, “Сон...”, в котором как нигде нащупывается тайная пружина всего творчества Достоевского, можно назвать “видением”. “Все его вопросы, искания и находения, все муки и утехи его творческого пути завиты вокруг одного сна, одного предчувствованного видения...”¹⁶.

М.М.Бахтин назвал эти 15 страничек “почти полной энциклопедией ведущих тем Достоевского”¹⁷, Ю.Карякин – “как бы мозаикой из всех прежних произведений” писателя, переплавленных “в новое, цельное неповторимое”¹⁸, по словам современной исследовательницы, “Сон смешного человека” – “краткая полная история человечества”¹⁹. Действительно, многие мотивы, образы, отдельные детали “Сна” рассыпаны в разных произведениях Достоевского. Например, князь Мышкин произносит фразу, из которой через много лет вырастет целое произведение: “Я... я скоро умру во сне;

я думал, что я нынешнюю ночь умру во сне” (8; 484)²⁰. В “Идиоте” писатель говорит о “странных”, “невозможных и неестественных” снах, во все продолжение которых разум не оставляет вас.

“...пробудясь от сна и совершенно уже войдя в действительность, вы чувствуете почти каждый раз, а иногда с необыкновенною силой впечатления, что <...> в сплетении этих нелепостей заключается <...> мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце; вам как будто было сказано вашим сном что-то новое, пророческое, ожидаемое вами...” (8; 377 – 378).

Эта мысль о сне-пророчестве воплотилась в шедевре Достоевского. Герой “Сна смешного человека” говорит: “Я все это давно уже прежде предчувствовал... в снах моего сердца...” (25; 114). Достоевский, этот “общественный сновидец”, в котором “был Смешной” (а “в Смешном было много от Достоевского”²¹), словно заглянул в свой внутренний мир.

Данная статья – лишь часть работы, посвященной “Сну...”, в котором во всех деталях описан, на мой взгляд, обряд посвящения. Здесь же я пытаюсь разобраться, во сне ли произошел этот обряд инициации, в результате чего герой (как и автор) стал Пророком, или речь может идти о переживании реального опыта смерти самим Достоевским, которому вследствие его болезни, возможно, пришлось побывать “по ту сторону” и соприкоснуться с “тем светом”.

НЕВЫРАЗИМОСТЬ (“НЕТ СЛОВ”). “Умерший” во сне Смешной человек увидел во сне конкретный, зримый, осязаемый, то есть **“живой ОБРАЗ”*** Истины, но, проснувшись, не смог найти слов, чтобы выразить ее²², чтоб рассказать людям о том, что ему открылось. Он не знает, как устроить рай, потому что “не умеет передать словами”: **“После сна моего потерял слова. По крайней мере все главные слова, самые нужные”** (25; 118)²³.

Комментируя это признание Смешного, А.Горностаев пишет: “Сбивчивость уклонения, ошибки и чужие мертвые слова, вместо своих, живых и нужных, короче сказать, *смешанность* истины и лжи во всем рассказе о виденном <...> только это *смещение* и делает самый рассказ и вытекающую из него проповедь *смешными*”²⁴. Не принадлежит ли автор этих строк к тем, кто смеялся и издевался над откровениями героя Достоевского? Между тем и в художественной, и в мемуарной литературе существует масса свидетельств о том, что все соприкасавшиеся с тайной смерти часто переживали “необычные, качественно отличающиеся от нашего обыденного сознания состояния, которые нелегко поддаются словесным описаниям” (Г., 141, 153).

“О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, <...> что во сне моем я видел или прочувствовал лишь одно ощущение, порожденное моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил; проснувшись <...> но зато **действительные образы и формы сна моего, то есть те, которые я в**

* Здесь и далее слова выделены прописными буквами автором статьи.

самом деле видел <...> были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не в силах был воплотить их в слабые слова наши, так что они должны были как бы стусеваться в уме моем, а стало быть, и действительно, может быть, я сам, бессознательно, принужден был сочинить потом подробности и, уж конечно, исказив их, особенно при таком страстном желании моем <...> их передать...” (25; 115).

Как перекликается это со словами людей, переживших опыт смерти!

“Все, что я видел и переживал, было так прекрасно, что не поддается описанию <...> И я уже тогда чувствовал, что никогда не смогу пересказать кому-либо увиденное мною”. “Словами это невозможно описать”. Человеку действительно “трудно найти в человеческом языке адекватные слова для описания этих неземных событий”. “... все слова, которые я знаю, являются трехмерными <...> но мир иной, совершенно определенно, не трехмерен <...> Практически я не могу передать вам полную картину”. “... в действительности никакие слова не соответствуют в полной мере тому, что происходило тогда со мной”. “Эти ощущения были совершенно непередаваемы”. “... я буду употреблять свои собственные слова для описания всего этого...” (М., IX, 142, 143, 149, 150, 152, 156; X, 132, 136).

Обобщая все известные ему случаи феномена “встречи со смертью”, Р.Муди не случайно начинает именно с проблемы “невыразимости”: “...события, пережитые теми, кто непосредственно приблизился к смерти, лежат настолько вне общечеловеческого опыта, что есть все основания ожидать определенные лингвистические затруднения при попытках выразить, что с ними произошло <...> все как один характеризуют свой опыт как неподдающийся описанию, то есть “невыразимый”. Многие подчеркивают это, понимая, что “бесполезно пытаться что-либо объяснить”, ибо пережитое ими “выходит за рамки нашего языка, образа мышления и всего привычного существования” (М., IX, 152; X, 132) ²⁵.

Мы так мало слышали об этих довольно часто происходящих случаях именно из-за испытываемых людьми трудностей при попытках рассказать об этом событии, воспринимаемом ими как глубокое, реальное и важное (Г., 171). Еще Платон предупреждал о том, что “точное описание деталей жизни после смерти является в лучшем случае вероятностью”, что “объяснить будущую жизнь нельзя, потому что мы ограничены нашим физическим опытом”, что “человеческий язык не способен прямо выразить подлинную реальность. Это возможно сделать только при помощи аналогии, мифа и другими косвенными способами” (М., X, 139). С помощью мифа о золотом веке и попытался Достоевский выразить то невыразимое словами состояние, которое он испытал, якобы, “во сне” ²⁶.

ВСТРЕЧА С ДРУГИМИ. Еще до описания своего “сна третьего ноября” герой Достоевского рассуждает о природе сновидений:

“Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда мой рассудок во сне! Между тем с ним происходят во сне вещи совсем непостижимые. **Мой брат, например, умер пять лет назад. Я иногда его вижу во сне: он принимает участие в моих делах, мы очень заинтересованы, а между тем я ведь вполне, во все продолжение сна, знаю и помню, что брат мой помер и схоронен. Как же я не дивлюсь тому, что он хоть и мертвый, а все-таки тут подле меня и со мной хлопочет? Почему разум мой совершенно допускает все это?**” (25; 108 – 109).

Герой настаивает на ясности своего сознания (“знаю и помню...”), и тогда его “галлюцинация” носит характер “привидения”. Но так ли это? Многие из переживших встречу со смертью часто говорят о “четком ощущении встречи с духовными сущностями различных умерших родственников и ободряющем телепатическом контакте с ними. Подобные переживания были необычайно яркие и убедительны” (Г., 127). Упоминание об умершем брате не случайно предваряет описание сна-смерти Смешного человека, служа мостиком, соединяющим два мира – реальный и потусторонний, ведь существует вера в то, что “духи умерших родственников приходят помочь умирающим, облегчить им переход в иной мир и увести их туда с собой” (Г., 152 – 153)²⁷.

С Т А Д И И. Недавнее возрождение научного интереса к переживаниям, связанным со смертью, тесно соприкасается с работой д-ра Руссела Нойеса, который обнаружил бросающееся в глаза сходство, типологическое единство и характерную последовательность стадий, на которые распадается описание переживаний состояния близости к смерти и самой смерти (Г., 161 – 166). В рассказе Достоевского совершенно точно описаны все три стадии.

I. Начальная стадия — сопротивление – характеризуется чувством страха, которое сменяется ощущением безмятежности, уравновешенности, внутреннего покоя и признанием неизбежности смерти, необыкновенным усилением умственной деятельности.

СПОСОБНОСТЬ СЛЫШАТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ. Выстрелив себе в сердце, Смешной “будто ослеп и онемел”, но слышал, как “кругом ходят и кричат, басит капитан, визжит хозяйка”. И вдруг его в первый раз поражает идея, что ведь он “**умер, совсем умер...**”, знает это и не сомневается, не видит, не движется, “а между тем чувствует и рассуждает” (25; 109).

Усиление умственной деятельности сопровождается способностью слышать бас и визжание, которые относятся к разряду крайне неприятных шумов, упоминаемых многими людьми, пережившими опыт смерти. Человек слышит, как его признают мертвым, слышит звон, жужжание, “громкое щелканье, рев, стужи”, свистящие и другие звуки в тот момент наивысших физических страданий, когда кажется, что смерть уже наступила. “Я помню, что я подумал: **“Наверно, я умер”**” (М., IX, 142, 144, 156).

ВНЕ ТЕЛА. У некоторых наблюдались пугающие видения, например,

“погребение живьем” (Г., 153). Подобное видение описано и в рассказе Достоевского. После своего выстрела Смешного сначала не почувствовал боли. Он видел, как бы со стороны, что его несли в закрытом гробе, зарыли в землю... И только тогда он вдруг почувствовал физическую боль в сердце: “Это рана моя, – это выстрел, там пуля...” (25; 109 – 110). Сравним с Муди.

По словам одного доктора, во время сильных болей и травм душа человека оставляет тело (М., X, 132). Умиравший бывает потрясен, обнаруживая, что смотрит на свое физическое тело извне, как посторонний наблюдатель. Одна женщина “почувствовала очень сильную боль в груди <...> и в этот момент <...> отделилась от своего тела...”. У другого больного было ощущение, что он покинул свое тело и плыл в воздухе (М., IX, 145, 146).

Несмотря на ситуацию пассивного ухода и признание неизбежности смерти (“Но я скоро мирюсь с этим и <...> принимаю действительность без спору” (25; 109)), герой Достоевского предпринимает попытку активного господства над ситуацией: “И я вдруг воззвал <...> всем существом моим к властителю всего того, что совершалось со мною...” (25; 110). Какое-то “темное и неизвестное” существо – одно в целом мироздании – откликнулось на вопрос-воззвание Смешного о смысле бытия и миропорядка.

НЕИЗВЕСТНОЕ СУЩЕСТВО. Спутник-“проводник” Смешного сближается в читательском восприятии с демоном (например, “заставляет припомнить лермонтовских Демонов”, воплощающих “жизнь, силу, чувство, зренье, голос, слух – и мысль – без тела”²⁸). Это не удивительно, так как люди, описывающие трансперсональные переживания, часто говорили о многочисленных видениях “архетипов, персонифицированных божеств и демонов или даже сложных мифологических сцен”²⁹. Многие умирающие сообщают не только о встречах с душами умерших близких родственников или друзей³⁰, но и о “весьма обычных” встречах с “духами-хранителями” или руководителями – сверхчеловеческими духовными сущностями. Особенно часто, судя по всему, происходит видение встречи со “Светящимся существом” (источником неземного сияния), которое наделено личностью, хотя физическая форма не видна, и голосом, который задает вопросы и от которого исходят наставления и обещания новой встречи с ним.

“Я слышал голос, но это не был человеческий голос и его восприятие находилось за границей физических ощущений”. “Я не хочу сказать, что все это было сказано словами <...> Это было нечто совершенно определенное, переданное мне” (М., IX, 151; X, 135, 137, 138). “Общение с этим существом происходит без слов путем непосредственной передачи мысли” (Г., 170).

На вопрос Смешного “Это Сириус?” существо отвечало: “Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой”. В его слове “увидишь все” послышалась герою какая-то печаль. Однако на вопрос Смешного о презрении к нему спутник не ответил, но герой вдруг почувствовал, что его не презирают, над ним не смеются (ср.: Свет стремился пре-

подать урок, “хотя ни в чем не было никакого обвинения” (М., IX, 154))³¹. “Что-то немо, но с мучением сообщалось мне от моего молчащего спутника и как бы пронизало меня” (25; 110 – 111), – говорит Смешной о неизвестном существе, взявшем его из могилы и имевшем “как бы лик человеческий”. Оно вполне сопоставимо со Светящимся существом, хотя и не отождествляется с ним. Именно ему герой обязан своим познанием Истины.

ТЕМНЫЙ ТУННЕЛЬ (“ПОЛЕТ”).

“<...> Мы очутились в пространстве <...> и никогда, никогда еще не было такой темноты! <...> “Я ждал совершенного небытия и с тем выстрелил себе в сердце. И вот я в руках существа, конечно, не человеческого, но которое *есть*, существует: “А, стало быть, есть и за гробом жизнь! <...> Мы неслись в темных и неведомых пространствах. Я давно уже перестал видеть знакомые глазу созвездия <...> Но мы быстро приближались к планете <...> я уже различал океан, очертания Европы...” (25; 110 – 111)³².

Часто у людей, перенесших клиническую смерть, возникало ощущение движения с очень большой скоростью через какое-то “длинное темное пространство”, “черный вакуум”, “узкий коридор”, “туннель”, в конце которого – свет. “У меня было ощущение, что я двигаюсь через глубокую <...> долину. Темнота была глубокой и такой непроницаемой, что я не мог видеть абсолютно ничего <...> Казалось, что я находился там длительное время, просто паря <...> в пространстве” (М., IX, 144 – 145).

Смешной человек преодолевает во сне огромные пространства, чтобы попасть (подобно сказочному герою) в “иные земли”, причем путь его “имеет цель, неизвестную и таинственную” и касающуюся одного его (25; 111). Эта цель, на мой взгляд, – глубокая **ТРАНСФОРМАЦИЯ и ПРЕОБРАЖЕНИЕ**, о которых говорят практически все “вернувшиеся с того света”. “Согласно различным мистическим школам, люди, пережившие смерть или смертельную опасность и возвратившиеся к жизни, называются дважды рожденными, озаренными, посвященными (Г., 207). В рассказе Достоевского обнаруживается одна из форм умерщвления и воскресения, сохраненных и отраженных сказкой достаточно полно и точно. И в обряде посвящения, и в сказке смерть принимала формы пространственного продвижения. О посвящаемом говорят, что “он умер и ушел в мир духов”, что “в это время он находится в преисподней” или “отправился на небо”. “Мы здесь найдем некоторый ключ к поездкам героя”³³. Мы видим в рассказе двойной цикл “смерть-воскресение”: первый пережит героем во сне, второй, и главный, по пробуждении, когда умер “ветхий человек”, а новый как бы заново родился.

СВЕТАЩЕЕСЯ СУЩЕСТВО (СВЕТ ИСТИНЫ И ЛЮБВИ)

Наиболее невероятным общим элементом изученных Муди и Грофом свидетельств, была встреча умирающих с очень ярким светом после прохождения темного пространства (М., IX, 151; Г., 170). Точно такая же встреча описана и в “Сне...” Если героиня ранней повести Достоевского “Хозяйка”,

Катерина, подобно сказочной жар-птице, олицетворяет живой образ света, солнца, помогая больному Ордынову вернуться к жизни, “воскрешает” его, то героя “Сна...” воскресило настоящее солнце.

“Я знал, что есть такие звезды в небесных пространствах, от которых лучи доходят на землю лишь в тысячи и миллионы лет. Может быть, мы уже пролетали эти пространства <...> я увидел вдруг наше солнце! <...> родная сила света, того же, который родил меня, отозвалась в моем сердце и воскресила его, и я ощутил жизнь, прежнюю жизнь, в первый раз после моей могилы” (25; 111).

Несмотря на то, что “неизвестное” существо охарактеризовано как “темное”, именно оно подготовило встречу Смешного с солнцем, светом, воскресившим его для новой жизни³⁴. Оставленный своим спутником, Смешной вдруг очутился на “другой земле в ярком свете солнечного, прелестного как рай дня” (25; 112). Описание планеты “детей солнца” созвучно картинам предсмертных видений реальных людей. Почти всегда переживание полнейшего уничтожения сопровождается видениями слепящего белого или золотого света.

“Все было преображено как бы райским светом и было прекрасно и свободно от горя, тревоги, боли. <...> Приподнятые и гармоничные мысли соединяли отдельные образы и царили над ними. Подобно великолепной музыке, божественное спокойствие окутало душу. Прекрасные голубые небеса <...> на вечные времена раскрывались вокруг меня” (Г., 149). “Мир воспринимается, как нечто невыразимо прекрасное и сияющее. Человек <...> склонен рассуждать об искуплении, спасении и единении с Богом”, готов “слиться с божественным светом” (Г., 66, 75, 76)³⁵. По словам Муди, идентификация светящегося существа различна в зависимости от религиозной среды, воспитания, личной веры. “Очень мало людей пробовали описать с библейской точки зрения то, что случилось с ними после смерти”. Лишь двое упомянули слова Иисуса: “Я есть свет миру”, на основании которых они определили свет как встречу с Иисусом³⁶.

Если в “Сне...” Достоевский не упоминает Христа, то в “Братьях Карамазовых” (“Кана Галилейская”) Алеша видит радостное, праздничное сновидение, в котором образ Христа похож на ослепительное, ярчайшее солнце. Воскресший, вставший из гроба Зосима вопрошает Алешу: “А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его? – Боюсь... не смею глядеть... – прошептал Алеша” (14; 327). В обоих произведениях образ Бога-Солнца совпадает с тем, о чем свидетельствует болгарская прорицательница Ванга, видевшая Христа как “огромный огненный шар, на который не можешь смотреть из-за свечения. Только свет <...> Если кто-нибудь скажет, что видел Бога, это неправда”³⁷.

Муди обнаружил параллель в писаниях апостола Павла, который преследовал христиан до своего знаменитого видения откровения по дороге в Дамаск, когда среди дня он увидел “с неба свет, превосходящий солнечное

сияние”, осиявший его и шедший с ним. “Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, которого ты гонишь; но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе...” (Деян. 26, 13 – 26). Этот эпизод напоминает встречи людей, прошедших через клиническую смерть, со Светом, а слова “Я открою тебе...” сопоставимы с обращенными к Смешному словами “спутника”: “Увидишь все” (25; 111).

Как и в рассказах пациентов Муди и Грофа, появление Света в “Сне смешного человека” – лишь прелюдия к самому поразительному и напряженному моменту, во время которого светящееся существо показывает человеку картины, как бы обзор его жизни, принимающий форму панорамы воспоминаний, сменяющих друг друга в быстрой последовательности и как бы охватывающих все прошлое индивида.

II стадия – стадия обзора жизни: КАРТИНЫ ПРОШЛОГО.

Затрудняясь описать все увиденное, некоторые говорили: “...там просто было все. Все было сразу <...> все было мгновенно”. Многие сравнивают “мгновенный просмотр” своей жизни в форме мысленных, но очень живых картин с просмотром слайдов, фильма, сновидения или с тем, как листают книгу собственной жизни (М., IX, 154; X, 146, 149; Г., 148-150, 161).

Муди выдвигает предположение о существовании механизма высвобождения души или сознания при смерти, который, возможно, иногда начинает действовать еще до наступления критического состояния нашего физического тела. Это предположение помогает допустить рассказы людей о том, как они увидели за одно мгновение свою прошлую жизнь³⁸. В этом просмотре их вел Свет. “Спутник” же Смешного, вроде бы отделенный от образа Света, показал герою картины жизни всего человечества. Гений Достоевского позволил ему описать эти мгновенные картины, проносящиеся перед мысленным взором и заболевшего Ордынова³⁹, и князя Мышкина⁴⁰, и Смешного, который “пролистнул” книгу жизни человечества, увидев “в разрезе одного момента” всю его историю – до грехопадения и после него.

Находясь на грани ухода с земли, Юнг почувствовал, что он – “узел всего, что произошло и было совершено” с ним⁴¹. Задолго до этого реального эпизода, относящегося к 1944 году, Достоевский описал подобное видение в “Сне смешного человека”, герой которого “состоял” не столько из собственной истории, сколько из истории человечества, был узлом этой истории. Отсюда и осознание своей виновности (“Я говорил им, что все это сделал я, я один...”)⁴².

Из происшедшего обзора жизни естественным образом вытекает **III стадия – стадия ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ**. Лица, обзревающие свое существование с точки зрения содержащегося в нем добра и зла, видят свою жизнь как единое целое, испытывают **космическое сознание** как “пиковое переживание” (Г., 165).

Смешной вспоминает о своем "полете":

"Мы неслись в пространстве уже далеко от земли <...> Я не помню, сколько времени мы неслись"⁴³ <...> совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка". "Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого" (25; 110, 115). Другой чудака, Алеша Карамазов, сознавал, что в его душе царило "что-то целое, твердое, утоляющее" (14; 328).

Значимым аспектом мистических переживаний является их превосходство над временем и пространством (Г., 166). Смешной находится вне обычных пространственно-временных ограничений, за пределами прошлого и будущего, в вечности и безграничности либо в ином измерении.

Говоря о трансперсональных переживаниях, важной составной частью которых являются путешествия в пространстве и времени, Гроф подчеркивает, что "в крайних случаях возможно переживание сознания всех существ, целой планеты либо всего материального мира", когда индивидуальное сознание расширяется за пределы обычных рамок эго, "стремится объять всеобщность существования и слиться с бытием вселенского сознания" (Г., 71). Достоевский и описал такой крайний, то есть достаточно редкий, случай переживания сознания всего человечества, когда **преодолевается время и пространство**.

Более того, наряду с четким переживанием сложных коллективных воспоминаний и сцен из жизни далеких предков, мы видим в рассказе также отождествление с растениями, животными или сознанием неорганической материи, что подтверждает вывод о том, что "пространственные рамки, ограничивающие людей в пределах их физических тел, не действуют в области духа". Вернувшиеся к жизни люди смогли убедиться в отсутствии истинных границ между ними и остальным миром. Все элементы Вселенной были сознательно пережиты ими, "все представляется частью единого поля космической энергии <...> человек <...> в сущности и есть весь мир". Таким образом, "умирающий испытывает то, что обозначается как мистическое, трансцендентальное, **космическое сознание**" (Г., 72, 165).

"Дети солнца", мирно живущие с любящими их животными, "как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем". В вечной жизни они были убеждены безотчетно, "это не составляло для них вопроса <...> у них было какое-то насущное, живое и непрерывное **единение с Целым вселенной**"⁴⁴ и твердое знание, что и для живущих и для умерших наступит "еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения <...> как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу" (25; 113, 114). Смешной находится в контакте с высшим знанием о реальности и природе существования. Духовный характер переживаний трансцендентности сопровождается "возникновением ярко выраженных позитивных чувств <...> от спокойствия <...> до **экстатического восторга**" (Г., 167).

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ. Таким экстагическим переживанием, чувством, описанным в рассказе Достоевского, является сотрясающая Смешного “неудержимая, восторженная любовь к той родной прежней земле”, которую он покинул (25; 111) и “умножившаяся как бы до восторга любовь”, которую он видел при прощании “детей солнца” с умирающими: “У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирают тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками. Скорби, слез при этом я не видал...” (25; 114)⁴⁵. Читая о всепоглощающей любви, которую испытал Смешной благодаря своей встрече с Солнцем и его “детьми” и которую он сохранил в себе⁴⁶, вспомним, что пациенты Муди и Грофа также говорят об исходящих от света тепле, сострадании и любви, которые “нельзя описать никакими словами”. Этот “удивительный”, “живительный, золотисто-желтый, теплый и мягкий” свет, совсем не похожий на свет, который мы видим на земле, был светом абсолютного понимания и совершенной любви. Многие ощущали присутствие могущественного, вселяющего существа. “Любовь, исходящая от него, – это что-то невообразимое, неопишное”. По словам одной женщины, свет постоянно подчеркивал важность любви (М., IX, 152 – 156; X, 134 – 135)⁴⁷.

До встречи со Светом герой Достоевского не говорит о любви ни слова. После – любовь становится лейтмотивом описания отношения Смешного к родной планете и описания райской жизни детей солнца до их разращения героем. На этот фрагмент текста приходится 32 (из 41!) употребления словоформ “любовь” и “любить”. Подобно тем умирающим, которые были погружены в теплое золотое сияние (Г., 76), герой Достоевского также ощущал себя любящим и любимым: “Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставил <...> Высокие, прекрасные деревья <...> как бы выговаривали какие-то слова любви <...> пусть это был только сон! Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей осталось во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда <...> я любил их <...> они любили меня” и т.д. “Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться. А между тем ведь это только старая истина <...> да ведь не ужилась же!” (25; 111 – 115, 119).

Таким образом, именно слова о любви становятся заключительным аккордом в произведении. Смешной увидел-узнал Истину в результате всего пережитого во сне. А может, все-таки вследствие обретенного опыта смерти? Ведь многие из тех, кто приобрел такой опыт, характеризуют просмотр картин жизни как попытку Светящегося существа преподать урок и научить двум вещам: приобретать знания и любить других людей, ибо “постижение любви к другим и обретение высшего знания являются максимальными ценностями человеческой жизни” (Г., 170).

“Великое дело любви и настоящего просвещения. Вот моя утопия!”

– писал Достоевский (24; 195). Под воздействием “родной силы света”, воскресившего Смешного, он испытал любовь и вспомнил обиженного им на покинутой земле ребенка (образ его Совесть). Рассказ заканчивается словами: “А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду! И пойду!” (25; 119). Ему, как и другим людям, пережившим смерть, “хотелось вернуться и исправить” свои неправильные поступки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Герой возвращается назад в свое тело после всего пережитого на “иной планете”, детей которой он невольно развратил. “Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце мое стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся”⁴⁸ (ср.: “я понял, что я умираю, и почувствовал, что если я не вернусь назад, то я умру” (М., IX, 146)). Смешной “очнулся” (25; 117), опять ощутив боль в груди, подобно той женщине, которая “не хотела идти назад”: “... я тут же вернулась в свое тело. Я вновь ощутила эту ужасную боль в груди” (М., IX, 156)⁴⁹. Совершенно неприметно заснув вдруг “за столом в креслах” (25; 108, 109), увидев “рай” и “ад”, побывав в “ином мире”, Смешной вернулся оттуда путем пробуждения: “Было уже утро <...> Я очнулся в тех же креслах...” (25; 117). Поразительное совпадение: большинство переживших возвращение обратно от какого-то момента их предсмертного опыта просто говорят о том, что они “заснули” или потеряли сознание, а позже очнулись в своем физическом теле. “Это было похоже на то, как если бы меня куда-то унесло, я заснул, а затем проснулся уже лежащим в постели” (М., X, 130 – 131)⁵⁰.

ПРОПОВЕДЬ. Хотя некоторые из “вернувшихся” чувствовали, что они “получили позволение” на жизнь от Бога или от светящегося существа, потому что им была внушена необходимость выполнения некоторой миссии, ни один из них “не соорудил себе портативного аналога и не отправился проповедовать денно и ночно о своем опыте. Никто не порывался убедить других в реальности того, что им довелось пережить”, некоторые, напротив, старались “забыть это, подавить в себе” (М., X, 131, 133, 143). Но герой Достоевского о своей миссии “порешил в ту же минуту <... > на всю жизнь”: “Да, жизнь, и – проповедь! <...> Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, – что? Истину, ибо я видел ее, видел своими глазами, видел всю ее славу! <...> ну, а я все-таки буду проповедовать” (25; 118, 119).

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА СМЕРТИ характерно почти для всех, реально переживших соприкосновение со смертью.

“...они больше не боятся смерти”, хотя и не ищут ее, не желают ее и безусловно отвергают самоубийство как средство возвращения в ту реальность, в которой они побывали. Основная причина преодоления страха смерти заключается в убежденности, основанной на собственном опыте, что “И ПОСЛЕ СМЕРТИ ЕСТЬ ЖИЗНЬ”, что жизнь не прекращается со смертью тела (М., X, 134, 135).

Реанимированные пациенты, описанные автором бестселлера конца

70-х годов XX в., пришли к тому же выводу, что и Смешной человек, который понял: **“ЕСТЬ И ЗА ГРОБОМ ЖИЗНЬ”** (25; 110). Сначала он испытывал страх: “Страх нарастал в моем сердце <...> Я ждал чего-то в страшной, измучившей мое сердце тоске”(25; 110 – 111).

Однако, как и у переживших встречу со смертью, панический страх и тоска сменяются у него чувством безмятежного, мирного покоя и любви. Возможно, страх исчез в результате того, что герой увидел отношение к смерти “детей солнца”: “Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что **ЗЕМНОЕ ЕДИНЕНИЕ МЕЖДУ НИМИ НЕ ПРЕРЫВАЛОСЬ СМЕРТИЮ**” (25; 114). Думается, что “дети солнца” передавали друг другу пережитый ими опыт смерти, о котором рассказывают также пациенты Муди и Грофа.

Смешной призывает бороться с утверждением, что “сознание жизни выше жизни, знание законов счастья выше счастья” (25; 119), и как созвучны эти слова с откровениями одной из пациенток Грофа. Джоанна, “стараясь выразить невыразимое”, делится с отцом тем, что “достаточно просто быть. Нет нужды беспокоиться, задавать вопросы, искать причины”, ибо она четко и реально видела всю Вселенную. **“Жизнь, смерть, смысл — все было здесь <...> Все было единым. Страх не существовал. Смерть, жизнь — все одно и то же <...> Что за гармония <...> таится за видимым хаосом <...> я мечтала разделить со всеми это знание. Тогда не сможет больше существовать разлад”** (Г., 119). Об этом же мечтает и Смешной: “...если только все захотят, то сейчас все устроится” (25; 118). Но как сделать так, чтобы все узнали истину и не считали его откровения всего лишь сном, бредом, галлюцинацией? И не случайно Смешной разделяет участь тех, кто задается вопросом: **“КАК РАССКАЗАТЬ О ПЕРЕЖИТОМ ДРУГИМ ЛЮДЯМ?”**

Учитывая скептицизм и почти полное непонимание, с которым сталкиваются люди, пытающиеся обсудить пережитый ими предсмертный опыт, не удивительно, что почти каждый начинает думать, что он в чем-то отклоняется от нормы, поскольку никто не переживал того, что случилось с ним (“Я был там, где еще никто никогда не был”). С самого начала им было ясно, что, “слушатели скорее всего подумают, что у них помутился рассудок”. Из боязни быть объявленными “сумасшедшими” и фантазерами они никогда не рассказывали об этом никому, кроме родственников или близких друзей, но и те начинали считать их сумасшедшими (М., X, 132 – 133, 142)⁵¹. Те, кто считал идиотом князя Мышкина (8; 64), “называют теперь сумасшедшим” Смешного человека (25; 104).

Еще до описания своего “сна” (или пережитого им опыта смерти?) герой Достоевского говорит: “Я смешной человек <...> Я всегда был смешон...” (на одной странице слово “смешной” встречается 10 раз!). Он “бы сам смеялся с ними”, их любя (25; 104)⁵². Но саркастически смеялись над ним не только люди реального мира (“О, все теперь смеются мне в глаза...” (25; 115)), но и

развращенные им во сне дети солнца, которые стали считать его “под конец за юродивого”: “Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом, если я не замолчу” (25; 117).

Причина насмешек и непонимания – в том, что “они не знают истины”, а герой знает истину. “Ох, как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут” (25; 104)⁵³.

ИСТИНА⁵⁴. По сути дела, рассказ Достоевского, в котором слово “истина” встречается 17 раз, представляет собой описание смерти и воскресения посвящаемого, “который таким образом приобретал магическую силу” или “магические свойства”⁵⁵. Смешной человек обрел Истину, и живой образ ее наполнил его душу навеки (25; 118). Обычному же взгляду непосвященного образ этой “старой”, как мир, истины оказывается недоступен. “Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал Истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете. Ну и пусть сон <...>, но эту жизнь <...> я хотел погасить самоубийством, а сон мой <...> возвестил мне НОВУЮ, великую, обновленную, сильную ЖИЗНЬ!” (25; 109)⁵⁶.

ФАНТАСТИКА, ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Итак, Смешной человек, ощутивший “полноту жизни” после своего выстрела и путешествия на другую планету, открывает свой секрет: “... ВСЕ ЭТО, БЫТЬ МОЖЕТ, БЫЛО ВОВСЕ НЕ СОН!” “Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон?” (25; 115, 118).

Говоря о чувстве объективности и реальности трансцендентальных переживаний, Гроф пишет, что “человек, соприкоснувшийся с космическим сознанием, как правило, не испытывает сомнений в том, что имеет дело с безусловной и высшей реальностью, которая в определенном смысле более реальна, чем воспринимаемый нами в привычном состоянии мир явлений” (Г., 167). Характерно, что при кажущемся сомнении Смешного (“быть может”), он пытается обосновать свое утверждение: “Ибо тут случилось нечто такое, нечто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрезиться во сне”. “Но вот этого насмешники и не понимают: “Сон, дескать, видел, бред, галлюцинацию” (25; 115, 118).

Противопоставляя словам насмешников слова Смешного об истине, Достоевский вступает в полемику с самим собой, ибо в свое время считал, что все “видения и откровения” Сведенборга, автора имеющейся у него “искренней” и “удивительной” книги “О Небесах, о мире духов, о Рае и Аде”, имеют галлюцинаторный характер (25; 262)⁵⁷.

Известно, что современники Достоевского остались глухи к “Сну смешного человека”, героя которого, как и пациентов Муди и Грофа, окружающие считают сумасшедшим. Сами же пережившие этот опыт вполне отличают сны, фантазии и галлюцинации от реальности опыта умирания и счита-

ют его действительным событием, в высшей степени реалистичным и убедительным, нисколько не сомневаясь в его важности: “Однажды у меня были галлюцинации <...> В пережитом мною тогда опыте не было ничего похожего на галлюцинации, совсем ничего”. Одни вспоминают, что все это было “более реально, чем в обычной жизни”, другие, хотя и называют это “самым фантастическим событием” в своей жизни, после которого они очень изменились, все же уверяют, что у них нет больше сомнений в том, что “ЕСТЬ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ” (М., X, 132, 137, 138).

Достоевский назвал свой “фантастический рассказ” “сном”. Хотя некоторые из людей, переживших клиническую смерть, воспринимают ее как сон⁵⁸, существует и прямо противоположное мнение, согласно которому “любой исследователь обнаружит достаточное число фактов, подтверждающих, насколько предсмертный опыт далек от обычных сновидений и не может не принадлежать к совершенно другой категории явлений” (М., X, 152)⁵⁹.

Муди возражает тем, кто считает предсмертный опыт сновидением, фантазией, галлюцинацией. Рассказы лиц, явно не являющихся жертвами психоза, необычайно точно совпадают с совершенно не известными им эзотерическими писаниями. Все его информанты, которые могли четко различать опыт, полученный во сне и наяву, неизменно утверждали, что их опыт был не сном, а “совершенно отчетливо яркой реальностью”⁶⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Итак, все изложенное выше позволяет считать рассказ Достоевского одним из ярчайших и гениальнейших свидетельств, подтверждающих реальность опыта смерти, примером описания предсмертных феноменов. В “Сне...” автор совсем немного “присочинил”, во всех деталях воспроизведя схему посмертного космического путешествия, которое совершили многие люди, не наделенные талантом художника.

Анна Григорьевна Достоевская видела, что переход в иной мир, к которому писатель готовился столь определенно, не страшит его. “Он, кажется, спал, но внутренняя работа мысли и души не затихала и во сне. <...> Вот и пройден путь... И он вдруг явственно ощутил, что даже почти и не здесь, и не почувствовал ни страха, ни отчаяния – только тихую боль за остающихся”. Невольно веришь, что именно так уходил из жизни писатель. “Но уже не было сил открыть глаза, поговорить... И снова приходили видения страшных грядущих потрясений, невиданных моровых язв духа и совести <...> страдания поколений, времена вседозволенности и безверия, преступлений без наказаний, но <...> не переставал видеться свет во мгле, и мгла не могла одолеть его, словно из дальних далей грядущего, возрожденного мира открывались взору простор и ширь, поля и леса, и дети <...> среди садов <...> – Я не знаю, как все это будет, – сказал он однажды, – но это сбудется, сад будет!”⁶¹.

В “Сне смешного человека” нашли отражение представления о Саде Любви или рае, которые базируются на мифе о Золотом веке и на образе

Эдемского сада. Учитывая существующее в фольклоре противопоставление леса, связанного с миром мертвых, саду, связанному с миром живых, слова Достоевского о саде можно понимать как свидетельство окончательного разрешения его сомнений о существовании бессмертия, то есть Бога. В рассказе описано мистическое состояние сознания, характеризующееся утратой чувства пространства и времени и ощущением духовного возрождения и единства с другими людьми, всем миром и Богом⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Что очень точно выразил с помощью пастернаковских строк **Ю.Карякин** (Достоевский и канун XXI века. – М., 1989. С. 389).

² **Аверинцев С.С.** "Аналитическая психология" К.-Г.Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 141.

³ Сны, как известно, связаны с архаическими формами сознания. К.-Г.Юнг обнаружил, что сновидения самых разных людей (независимо от возраста, расы и социального положения) буквально переполнены древнейшими символами.

⁴ **Токарчик А.** Мифы о бессмертии (потусторонний мир). М., 1992.

⁵ **Гроф С., Хэлифакс Дж.** Человек перед лицом смерти. М., 1996. (Далее ссылки на это издание (Г.) приводятся в тексте с указанием страниц). Если авторы, исследуя проблему смерти, шли от современных фактов и свидетельств к их сопоставлению с данными мифологии, то для меня анализ проблематики и поэтики "Сна..." начался с обращения к фольклору, а уж затем привел к анализу современных данных.

⁶ **Муди Р.А.** Жизнь после жизни. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела // Волга, 1990. № 9, 10. (Далее ссылки на это издание (М.) приводятся в тексте с указанием номера журнала римской цифрой и страниц – арабской). В др. изд. – Р.Моуди.

⁷ Там же. С. 138 – 141.

⁸ **Токарчик А.** Указ. соч. С. 20, 215 – 224; **Гроф С., Хэлифакс Дж.** Указ. соч. С. 8, 168 – 172.

⁹ Среди таких писателей называют имена Э.А.По, А.Бирса, Кеарса Кросби и Л.Н.Толстого, описавшего смерть Ивана Ильича, Андрея Болконского и т.д. (Г., 156-157).

¹⁰ **Трубецкой Е.** "Иное царство" и его искатели в русской народной сказке. Литературная учеба. 1990. № 2. С. 117.

¹¹ Эта запись, одна из последних в рабочих тетрадях Достоевского, может служить ответом на вопрос выдающегося русского ученого Н.А.Васильева: "Но почему не предположить во Вселенной <...> такие миры, где бы реально существовали противоречивые вещи?" (**Нечаенко Д.А.** Сон, заветных исполненный знаков. М., 1991. С. 285).

¹² Недаром он вошел в сборник "Русская литературная утопия". М., 1986.

¹³ Родоначальником другой точки зрения, назвавшим "Сон..." антиутопией, считают Н.Бердяева, утверждавшего, что Достоевский "наносит удар за ударом всем теориям и утопиям человеческого благоразумия..." (**Пруцков Н.И.** Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 88, 105). См.: **Карякин Ю.** Указ соч. С. 387 – 389.

¹⁴ **Шестаков В.П.** Эсхатология и утопия. М., 1995. С. 40 – 41.

¹⁵ **Поддубная Р.Н.** "Какие сны приснятся в смертном сне...?" // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 107 – 108.

¹⁶ **Горностаев А.К.** Рай на земле. К идеологии творчества Достоевского. Харбин, 1929. С. 23.

¹⁷ **Бахтин М.М.** Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 362,

¹⁸ "В "Сне" – все основные идеи, темы, образы, все голоса основных героев Достоевского. Почти сплошь раскавыченные самоцитаты" (**Карякин Ю.** Указ соч. С. 390, 391).

¹⁹ **Касаткина Т.** Краткая полная история человечества ("Сон смешного человека" Ф.М.Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 1. Ч. 1. СПб., 1993. С. 48.

²⁰ Ср.: “Я зрел во сне, что будто умер я...” См. о переключках “Сна...” с произведениями М.Лермонтова: **Поддубная Р.Н.** Указ. соч. С. 101 – 112.

²¹ **Карякин Ю.** Указ. соч. С. 389.

²² Память предков мы можем ощутить в себе, не только когда спим. Но если во сне “коллективное бессознательное” выражено в конкретных зрительных образах, то наяву эти ощущения настолько смутные, что их невозможно описать словами.

²³ Ср. восклицание Мышкина, следовавшее сразу за фразой о том, что он скоро умрет во сне: “Я еще не знаю, в чем именно, но я виноват... Тут есть что-то такое, чего я не могу вам объяснить, Евгений Павлович, и слов не имею...” (8; 484). Смешной также во всем обвиняет себя: “Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех!” (25; 115).

²⁴ **Горностаев А.** Указ. соч. С. 25.

²⁵ Большая часть описаний состояния сознания раковых больных во время лечебных сеансов содержит в себе сожаления о неспособности нашего языка передать его особую природу. Так, у Джоанны во время сеанса были видения картин, сопровождавшиеся тонким пониманием многих вопросов природы человеческого бытия. Ее открытием было то, что существующие “формы, цвета, структуры <...> просто невозможно описать” (Г., 113, 166, 169).

²⁶ В своеобразной “сказке” о дураке, которого Достоевский назвал Смешным человеком, планета “детей солнца” – это “иное царство”, которое “есть прекрасное, неизреченное, чего ни тварь земная, ни люди не ведают, и вместе с тем то, чего весь мир ищет, чему всякое дыхание покоряется” (**Трубецкой Е.** Указ. соч. С. 110). Отблеск “иного царства” видит на земле находящийся в предсмертной лихорадке Макар Долгорукий (“красота везде **неизреченная!**”), который говорит Подростку о тайне “того света” как о самой большой тайне” (13; 287, 290). Аркадий, который сам был в такой же лихорадке, в бреду, замечает ему: “Вы ужасно неточно выражаетесь, но я понимаю...” (13; 290).

²⁷ Об этом пишет и Р.Муди, приводя свидетельства Сведенборга, вошедшего в контакт с духовными явлениями потустороннего мира. “Умиравший человек может встретиться с душами других людей, которых он знал в течение жизни...” (М., IX, 150 – 151, 156; X, 141).

²⁸ **Поддубная Р.Н.** Указ. соч. С. 110 – 111.

²⁹ О необходимости столкновения с демонами для постижения смысла смерти пишет Гроф. Его пациентка, Джоанна, поняла, что “цель – испытать и исследовать все предначертанное тебе космическим сценарием. Смерть – всего лишь эпизод...” В результате таких провидений у нее развилось позитивное отношение к жизни в целом и принятие всего происходящего, как единственно верного (Г., 112 – 113).

³⁰ “Чувство света и радости” сопровождает общение людей с душами умерших родственников: “Казалось, я пришла домой” (М., IX, 151).

³¹ Говорящие о своей встрече со светящимся существом “не чувствовали с его стороны никакой ярости или гнева” даже тогда, когда демонстрировались их несомненно ужасные и грешные поступки (М., X, 135).

³² Эта картина очень напоминает описанное К.-Г.Юнгом (который находился на краю смерти вследствие сердечного приступа) глубокое визионерское видение: “Мне казалось, что я находился в космическом пространстве. Далеко внизу я видел земной шар, качающийся в восхитительном голубом свете. Я различал синюю морскую поверхность и континенты <...> Я знал, что нахожусь на грани ухода с Земли” (Г., 153 – 154).

³³ **Прошн В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 93.

³⁴ Так, может быть, вестником добра является этот “вольный сын эфира”, “царь познания и свободы”? В персонаже Достоевского диалектика добра и зла сложнее, чем в лермонтовских героях (**Поддубная Р.Н.** Указ. соч. С. 109, 111). Здесь уместно использовать форму “даймон”, обозначающую демона-вдохновителя и отличающую этого духа от злых демонов. Даймон дает людям почувствовать сквозь образы искусства высшую правду и свет, льющийся из иных миров (**Померанц Г.** Открытость бездне. М., 1990. С. 336).

³⁵ Раковый больной Тэд, белой которого было одиночество, скука и осознание бессмысленности жизни, пережил в ходе лечебного сеанса чувство общения с Богом, представшим перед ним, как блистающий источник света. “Тэд был потрясен открытием, что за видимым хаосом и сложностью мира стоит только один Бог” (Г., 90 – 92, 150).

³⁶ “Один из них мне сказал: “Я никого не видел в этом свете, но для меня этот свет был Христом <...> Его всеобъемлющей ЛЮБОВЬЮ. Я думаю, что Иисус говорил именно об этом, когда Он говорил, что Он свет миру” (М., X, 138).

³⁷ Нечаенко Д.А. Указ. соч. С. 54.

³⁸ Очень много общего между отчетами “умирающих”, перед глазами которых проходит в сжатом виде вся их жизнь, и тибетской Книгой Мертвых, которая описывает нечто вроде “зеркала”, в котором отражена вся жизнь человека и все его дела – дурные и хорошие (М., X, 140). Такая возможность обозреть свою жизнь и оценить, насколько полной и стоящей она была, для многих раковых больных облегчила ожидание смерти (Г., 59).

³⁹ “Ордынов видел, <...> как раскидывались перед ним волшебные, роскошные сады, <...> как целые кладбища высылали ему своих мертвецов, которые начинали жить сызнова...” (1; 279). Ср. описание мотива смерти в переживаниях Габриэлы, которая видела “образы больных и умирающих, похоронные обряды, процессии и кладбище” (Г., 68).

⁴⁰ Хотя описание припадка эпилепсии, когда полсекунды вмещает всю жизнь (8; 188 – 189, 195) (см. о “Магометовом мгновении”: Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 74, 471), очень напоминает описание мгновенного просмотра жизни, припадок заканчивается мраком, а переживание опыта смерти – ощущением любви.

⁴¹ Юнг ощутил, что все стало сползать с него: “... вся фантазмагория земного существования была с меня снята <...> Однако кое-что осталось. Я теперь как бы нес собой все, что когда-либо пережил или совершил, все, что в прошлом произошло вокруг меня. <...> Я состоял из собственной истории и твердо чувствовал: это то, чем я являюсь” (Г., 153 – 154).

⁴² Из собственной же жизни Смешного человека, оказавшегося “по ту сторону” бытия, выхвачен лишь один эпизод, который и послужил “поводом” для его сна. “Образ бедной девочки”, которую он обидел, промелькнул перед ним, когда он несся к изумрудной звездочке. Этого далеко не случайного упоминания девочки Ю.Карякин, назвавший ее *образом совести*, не заметил: “О девочке было только в самом начале <...> и о ней до этой последней строчки – ни слова...” (См.: Карякин Ю. Указ. соч. С. 382, 384, 390).

⁴³ Ср. выражение неопределенности сказочного времени “долго ли – коротко ли”, “через мало ли, через много ли время” и т.п.

⁴⁴ Ср. описание душевного состояния Алеши после его сна о браке в Кане Галилейской: “Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною <...> Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным” (14; 328).

⁴⁵ С восприятием смерти на планете детей солнца совпадает и отношение Макара Долгорукого к смерти (“старцу надо отходить благолепно <...> блаженно...” (13; 287).

⁴⁶ После встречи с Солнцем-Христом “полная восторгом душа” Алеши “жаждала свободы, места, широты”, “он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны <...> Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. “Кто-то посетил мою душу в тот час”, — говорил он потом с твердою верой в слова свои...” (14; 328).

⁴⁷ У большинства обзревавших различные стороны своей жизни “появилось чувство, что все пережитое в жизни, было истинным ощущением любви”, которым сопровождалось чувство счастья и безопасности, “противоречия переродились в любовь” (Г., 75, 83, 149, 170).

⁴⁸ Ср.: “Что-то горело в сердце Алеши, что-то наполнило его вдруг до боли <...> Он простер руки, вскрикнул и проснулся...” (14; 327).

⁴⁹ Если у немецкого актера К.Юргенса, пережившего клиническую смерть и описавшего “зачаровывающее путешествие в запредельный мир”, сразу после встречи с ослепительным сиянием внезапно возникла “сильная тупая боль, угрожающая разорвать грудную клетку”, после чего он неожиданно пришел в себя (Г., 156), то Смешной между двумя сердечными приступами “пережил” встречу со Спутником, со Светом, с “детьми солнца”.

⁵⁰ Приводя параллели из Библии, которая в целом очень мало говорит о событиях, наступающих после смерти, Муди приводит все же два текста, где говорится о воскресении физического тела, а смерть сравнивается со сном (М., X, 138). См: Исая. 26, 19 и Дан. 12, 2: “И многие из спящих в прахе земли пробудятся...”

⁵¹ Узнав же, что другие люди пережили то же самое, соприкоснувшиеся со смертью люди были просто счастливы: “Теперь я знаю, что я не сумасшедший”. И все же “огромная масса материала скрыта в памяти людей, имевших подобный опыт”, ибо “говорить о жизни после смерти кажется чем-то атавистическим, относящимся скорее к предрассудкам прошлого, чем к нашему реалистическому настоящему” (М., X, 142).

⁵² Трудно не отождествить тут героя с автором, который не боялся быть объявленным

больным, юродивым или сумасшедшим (см.: **Карякин Ю.** Указ. соч. С. 395) и нашел-таки слова, чтобы рассказать под видом сновидения о своем опыте смерти.

⁵³ Точно так же Фест не понимал апостола Павла, считая, что большая ученость доводит его до сумасшествия, на что Павел отвечал: "... я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла" (Деян. 26, 13 – 26). Над ним смеются, называя безумцем, когда он пробует рассказать о видении, изменившем течение всей его жизни.

⁵⁴ Великий ясновидец Платон говорил, что "полная истина приходит как мистическое откровение и внутреннее озарение" (М., X, 139).

⁵⁵ **Пронн В.Я.** Указ. соч. С. 93.

⁵⁶ Можно предположить, что под новой жизнью понимается переход на более высокий уровень бытия или в иную форму жизни, переход из одного состояния в другое или движение в сфере сознания. Значит, можно поставить знак равенства между новой жизнью и смертью, которая не является крайней формой катастрофы, концом всего, недаром ее сравнивают то с "пробуждением", то с "возвращением домой", то с освобождением из "тюрьмы". Такое понимание смерти можно служить ответом на негодование А.Горностаева.

⁵⁷ Сведенборг описывает свет истины и полного понимания как "свет Господа", "который проникает в будущее, свет невыразимой яркости, который озаряет всего человека" (М., X, 141). Такой же свет истины и любви озарил и Смешного человека.

⁵⁸ См. об этом, напр.: **Нечаенко Д.А.** Сон, заветных исполненный знаков. М., 1991. С. 10 – 11.

⁵⁹ "Все мои мысли и соображения были абсолютно логичными и четкими. Они ни в коем случае не походили на неудерживаемые памятью сновидения" (Г., 149).

⁶⁰ Здесь можно было бы подробнее остановиться на "Магометовом мгновении" — "моменте выхода из жизни и прозрении целого бытия". Достоевский особенно подчеркивал, что этот момент переживается физически, а не галлюцинаторно, во сне или в мечте, что это момент "высшего самоощущения и самосознания", физически преображающий всего человека: "Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться или умереть" (10; 450). См. комментарий **И.А.Поповой** в кн.: **Бахтин М.М.** Указ. соч. С. 471 – 472.

⁶¹ **Селезнев Ю.** Достоевский. М., 1990. С. 537 – 538.

⁶² Как и в свидетельствах реальных людей, переживших временную смерть, имя Христа в "Сне..." не упоминается. Но "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем" (1-е Соборное посл. Св. Ап. Иоанна Богослова. 4; 16).